

УДК 903.25 (571.15)
DOI: 10.17223/19988613/64/23

А.А. Казаков, Я.В. Фролов

НАХОДКА ИЗДЕЛИЯ ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также при частичной финансовой поддержке РГНФ, проект №16-11-22007a(p) «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея».

Публикуется археологическая находка достаточно редкой категории – калачиковидная серьга, изготовленная в полихромном стиле. Это девятое изделие полихромного стиля из документированных комплексов, известное на территории Западной Сибири. Основные задачи работы – введение данного предмета в научный оборот посредством как можно более подробной публикации уникального полихромного изделия и его первичная культурно-хронологическая интерпретация без построения широких исторических гипотез. Предпринята попытка реконструкции технологического процесса изготовления этого изделия, высказана гипотеза о регионе его происхождения.

Ключевые слова: полихром; калачиковидная серьга; технология; зернь; вставка; хронология.

С момента обнаружения А.П. Уманским на территории Алтайского края в 1959 г. изделий, изготовленных в полихромном стиле [1. С. 129], накопился достаточно репрезентативный блок источников, представленный подобными находками из 10 памятников, маркирующих восточную границу их распространения, что позволяет говорить уже не о случайном проникновении этого уникального типа инвентаря на территории Западной Сибири из Средней Азии, а значительно расширить на восток ареал распространения полихрома [2]. Тем не менее изделия, изготовленные в полихромном стиле, являются достаточно редкими, единичными находками, и появление нового источника вызывает

живейший интерес исследователей. Так, случайная находка у с. Урлапово Шипуновского района Алтайского края калачиковидной серьги (серьги-лунницы, ладьевидной серьги) (рис. 1, 2) является всего лишь девятым случаем находок изделий полихромного стиля на территории Западной Сибири [Там же].

Известно, что изделия полихромного стиля, такие как калачиковидные серьги, аналогичные публикуемой случайной находке, на территории Сибири были известны и ранее. Четыре из них происходят из Сибирской коллекции Петра I и еще две присутствуют на изображениях предметов из коллекции Н.К. Витзена [3. С. 22, 23, Табл. XX, 20, 26–29].

Рис. 1. Калачиковидная серьга в полихромном стиле

Размеры изделия:

высота - 28 мм
 ширина - 25 мм
 глубина - 12 мм
 ширина щитка - 17 мм
 ширина вставки - 11 мм
 высота вставки - 4,5 мм
 диаметр шариков - 5 мм

диаметр гофрированных трубочек - 3,5 мм
 высота гофрированных трубочек - 5 мм
 зернь крупная - 1,2 мм
 зернь мелкая - 1 мм

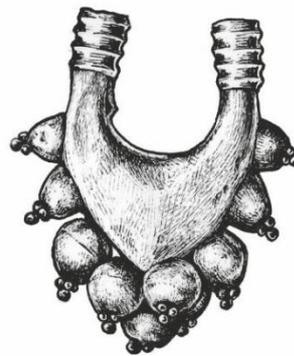
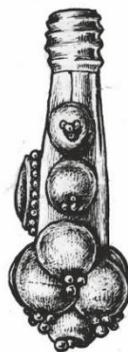
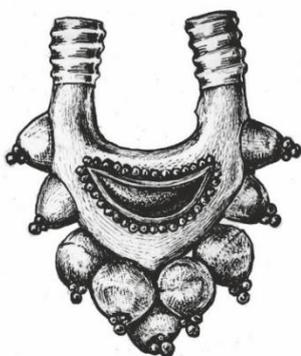

Рис. 2. Графическая прорисовка серьги

На сегодняшний день зона происхождения Сибирской коллекции Петра I определяется как юг Обь-Иртышского междуречья – территория южного степного Омского Прииртышья, восточная часть Павлодарского Прииртышья и районы Кулунды и Верхнего Приобья в районе Обского левобережья [3. С. 12].

Находка калачиковидной серьги, предмета, сходного с изделиями из Сибирской коллекции Петра I, в районе с. Урлапово служит еще одним подтверждением, что этот регион мог быть одной из территорий сбора коллекции. Принимая во внимание уникальность находки, считаем своей главной задачей как можно более детальную ее публикацию.

Серьга поступила в Алтайский государственный краеведческий музей (далее АГКМ) в 1966 г. в результате сборов научного сотрудника музея Э.М. Медниковой на памятнике «Урлапово, поселение и могильник». Памятник находится в 2,5 км к юго-западу от с. Урлапово Шипуновского района Алтайского края,

открыт 1965 г. директором школы в с. Урлапово А.П. Чайковым. Объект расположен на дюнах северо-восточного берега оз. Зеркальное, в то время интенсивно разрушаемых эоловой эрозией. Озеро входит в систему озер верховьев р. Барнаулки в реликтовом ленточном бору, который тянется узкой полосой вдоль реки. На месте памятника собрана большая коллекция подъемного материала, датирующегося начиная с бронзового века и до эпохи Средневековья (рис. 3).

Прежде всего хочется заметить, что, если не считать предметы из Сибирской коллекции Петра I, это первая случайная находка изделия полихромного стиля в Западной Сибири. Все предыдущие находки подобных изделий в этом регионе происходят из погребальных комплексов [2]. Исходя из этого, можно предположить, что и данная находка является частью сопроводительного инвентаря из захоронения, разрушенного в результате воздействия одного из многочисленных факторов, приводящих к гибели археологические памятники.

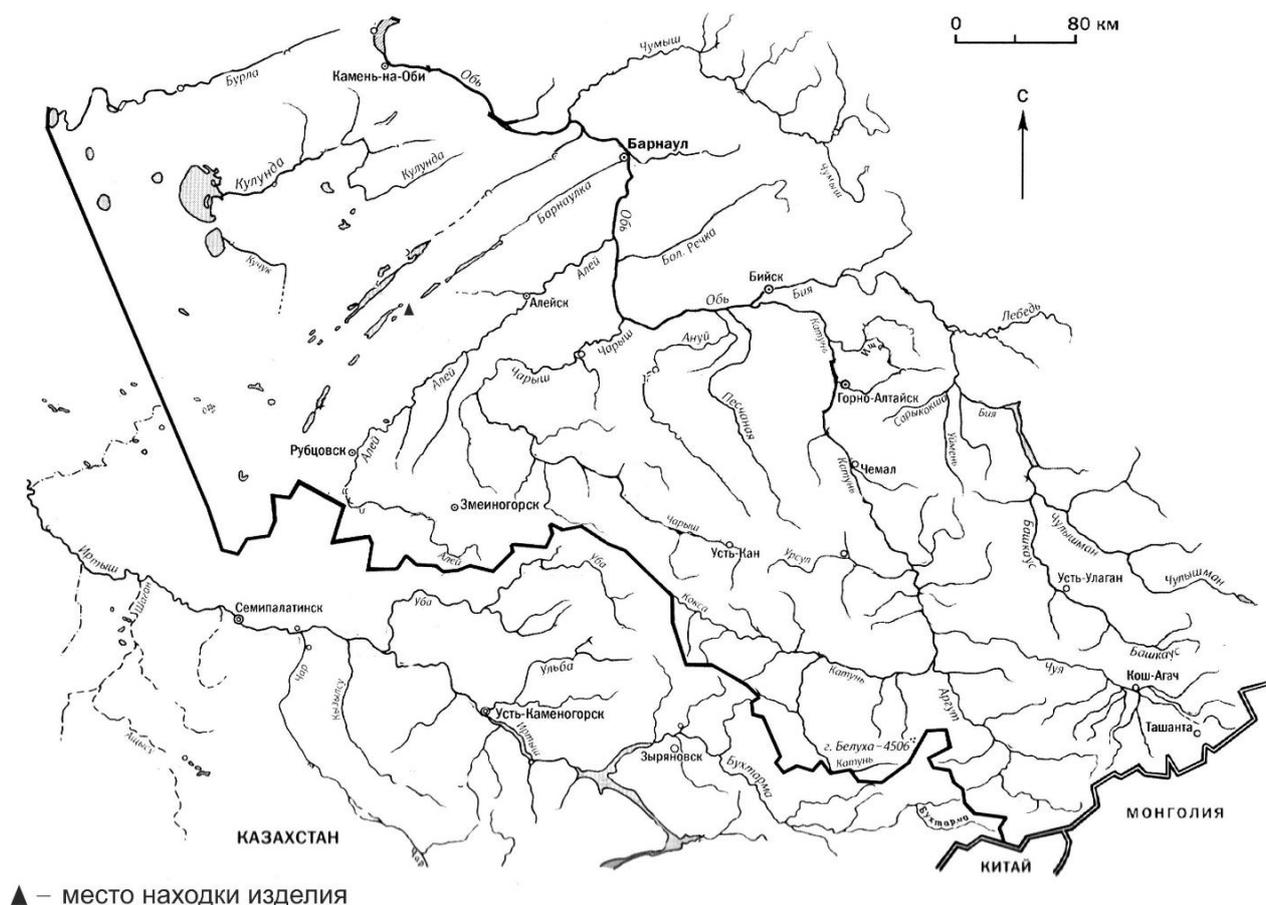

Рис. 3. Место находки сережки

Публикуемое изделие полихромного стиля является калачиковидной серьгой. Не вдаваясь в рассуждения о правильности употребляемого другими авторами термина, будем придерживаться именно этого названия, несмотря на то что в научной литературе встречается большое количество терминов для обозначения подобных изделий. Наиболее распространенные из них – ладьевидные серьги и серьги-лунницы. Как правило, эти термины употребляются при характеристике инвентаря периодов раннего железного века и античности, предшествующих эпохе Средневековья. Поскольку подобные изделия являлись наиболее ранними формами, которые в результате эволюции трансформировались в классические калачиковидные серьги, широко распространенные в средневековых материалах, медиевисты подобные изделия называют калачиковидными серьгами [4, 5]. Мы не будем нарушать сложившейся традиции.

Изделие имеет достаточно сложную конструкцию. Оно изготовлено из золотого листа 750-й пробы (определение Западно-Сибирской государственной инспекции пробирного надзора от 2006 г.). Размеры изделия по крайним точкам следующие: высота 28 мм, ширина 25 мм, толщина 12 мм. Щиток (калачик) изделия пустотелый, спаянный из 2 половинок, вероятнее всего, изготовленных из тонко прокатанного золотого листка методом штампования при помощи пуансона и матрицы. Об этом свидетельствуют равномерность толщины створок щитка, отсутствие литейных швов и наплывов на поверхности, однородность поверхности и большая плотность, что может быть достигнуто только при

проковке или прокатке изделия, однако проковка оставляет следы от инструмента, воздействующего на материал, в то время как прокатка дает большую равномерность толщины листа. После штампования створки щитка были спаяны, о чем свидетельствует наличие паяльного шва (рис. 4). Щиток имеет плавные сердцевидные очертания. Для придания большей прочности на концы щитка надеты гофрированные трубочки, изготовленные из того же материала. Внешний диаметр трубочек 3,5 мм, длина 5 мм (рис. 5; 6).

Щиток снизу украшен гроздьё из 7 пустотелых шариков, а по бокам четырьмя полушариями, по 2 с каждой стороны. Шарик припаяны к щитку, каждый изготовлен методом пайки из двух штампованных полушарий (рис. 7). Пять самых нижних шариков составляют пирамидку, четыре из них являются основанием, а пятый вершиной (см. рис. 2). Диаметр шариков 5 мм. На каждый шарик напаяна пирамидка из 4 зернинок, 3 из которых в основании, а одна является вершинкой (рис. 2, 8). Всего на шариках напаяно 28 зернинок. Зернь неравномерная по диаметру, от 1 до 1,2 мм. Подобная вариабельность размеров зернинок указывает на способ их изготовления. Вероятнее всего, они производились методом литья по желобу с последующим быстрым охлаждением в жидкости, как изготавливается дробь.

Вставка красно-коричневого цвета, изготовлена из прозрачного твердого материала (стекло? камень?). Она имеет форму полумесяца с размерами 11 × 4,5 мм (см. рис. 1, 2). Вставка удерживается на изделии при помощи тонкой золотой полоски, концы которой спа-

яны в месте их соединения (рис. 9). Полоска припаяна к основе щитка. Чтобы подчеркнуть прозрачность вставки, под нее уложены фрагменты золотой фольги (см. рис. 1). Гнездо вставки также украшено одним

рядом зерни, припаянной к основе изделия и полоске крепления по ее периметру (см. рис. 1, 2, 4, 9). Ряд зерни состоит из 42 зернинок. Дужка для крепления серьги к мочке уха отсутствует.

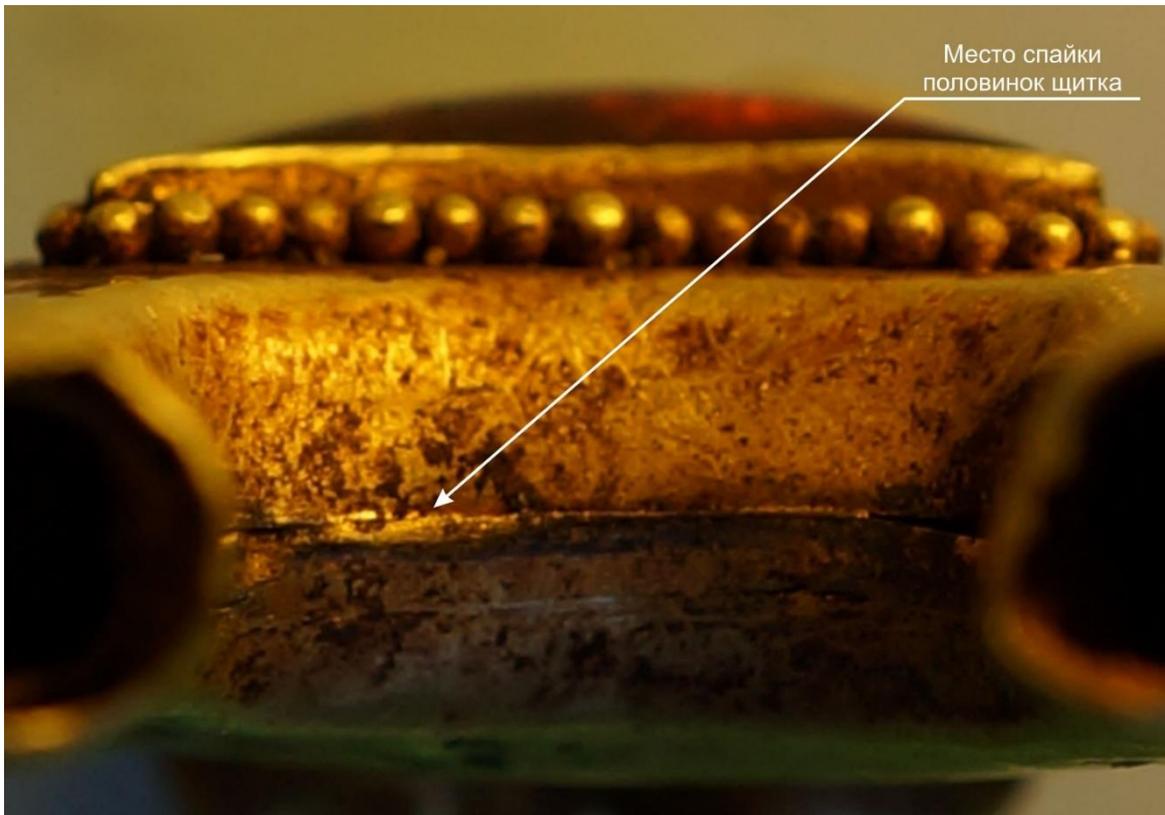

Рис. 4. Место спайки половинок щитка

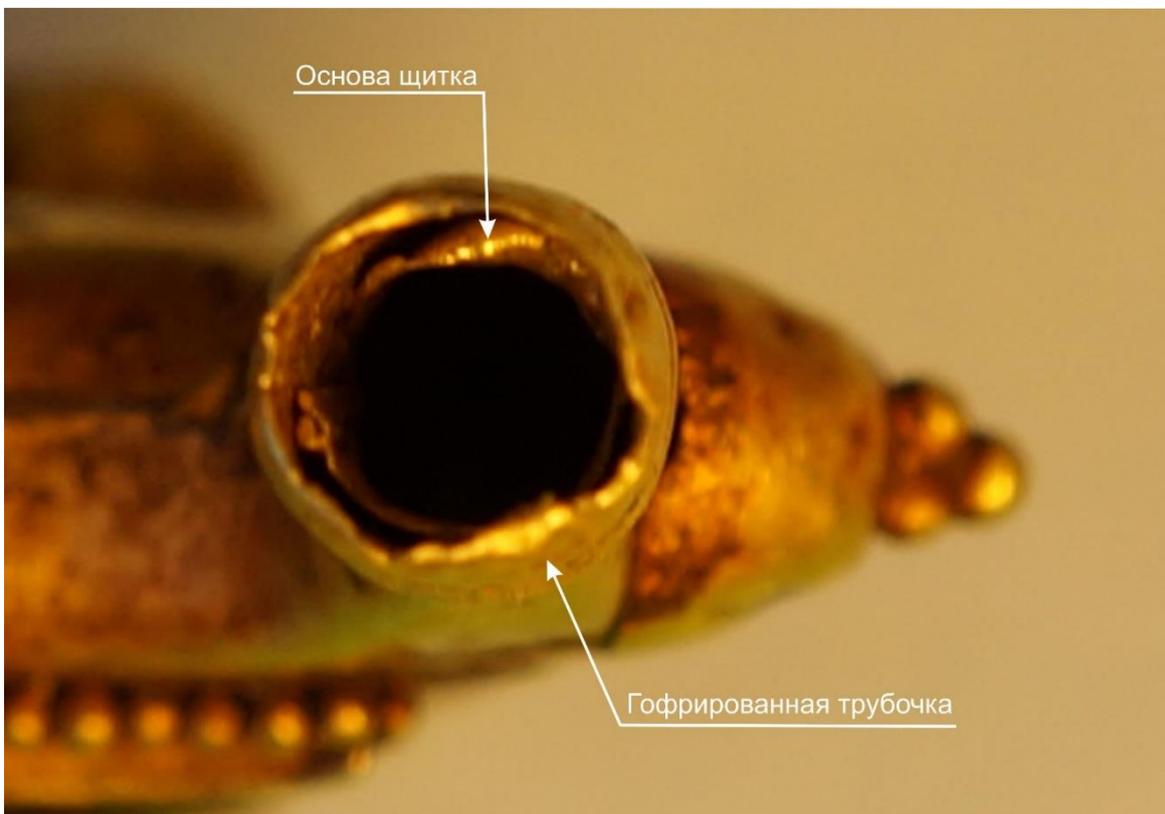

Рис. 5. Гофрированные трубочки на концах щитка

Рис. 6. Гофрированные трубочки-насадки на концах щитка

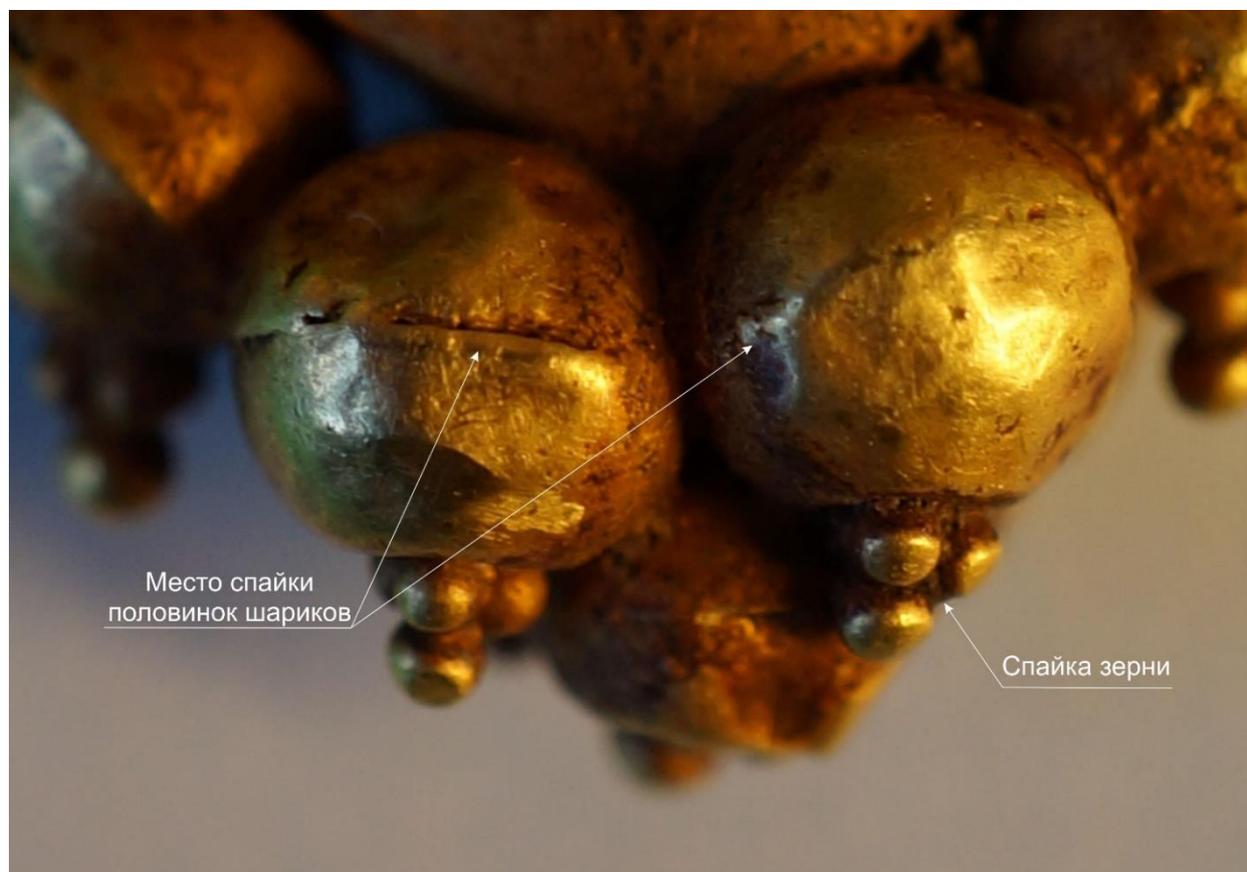
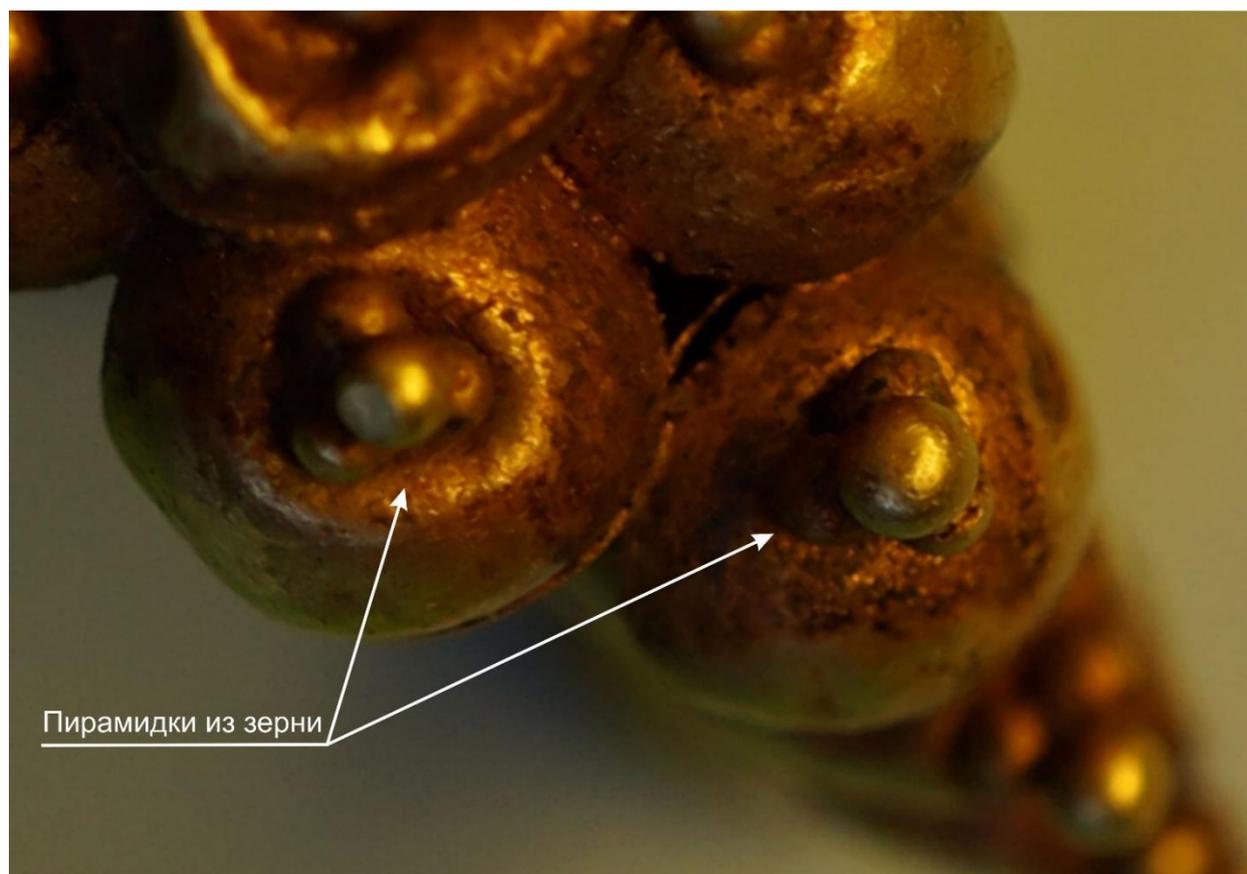

Рис. 7. Место спайки половинок шариков подвески

Пирамидки из зерни

Рис. 8. Пирамидки из зерни на шариках подвески

Место спайки полоски
для вставки

Рис. 9. Место спайки полоски для гнезда вставки. Пайка

В серьгах подобного типа для придания жесткости достаточно прочной пустотелой основе, изготовленной из тонкого, мягкого металла, ее полость заполняли мастикой, придающей жесткость изделию и предохраняющей предмет от возможных повреждений [6. С. 70]. Визуальное обследование серьги из Урлапово следов мастики не выявило. Учитывая, по-видимому, достаточно длительное нахождение изделия на дневной поверхности на месте выдувов, вполне объяснимо отсутствие наполнения из мастики, которое могло быть полностью разрушено. Не исключено, что более детальное обследование в последующем позволит выявить ее следы на внутренней поверхности изделия.

Проведенная детальная фотосъемка, позволившая выявить некоторые технологические приемы, которые использовались древними мастерами при изготовлении подобных изделий, сделала возможным частичную реконструкцию технологического процесса производства серьги.

Технологическая цепочка начиналась с изготовления материала для заготовок, т.е. с прокатки тонкого золотого листа. Когда лист был готов, при помощи пуансона и матрицы штамповались заготовки для щитка и шариков подвески. Учитывая большие показатели вытягиваемости золотого листа, можно предположить, что для придания пластичности перед штампованием его достаточно сильно нагревали. Когда заготовки были изготовлены (половинки щитка, половинки шариков подвески, полоски для гнезда крепления вставки, сами вставки, полые трубочки, отлита зернь), начинался процесс сборки (пайки) изделия. Сначала спаивали половинки щитка. Затем для придания прочности на концы щитка надевались гофрированные трубочки. На щиток напаивалось гнездо из тонкой золотой полоски, предварительно выгнутой по нужной форме. После этого в гнездо на дно укладывались фрагменты золотой фольги, позволяющие более выигрышно смотреться прозрачной декоративной вставке за счет разных углов отражения света. Затем вставлялась сама вставка и зажималась в гнезде верхними концами уже припаянной полоски. После этого по периметру гнезда напаивалась зернь, которая, по мнению декоративных функций, имела и чисто утилитарное назначение – делала края гнезда более жесткими и еще крепче скрепляла его с основой щитка.

Параллельно описанным процессам спаивались половинки шариков подвесок и на них напаивались пирамидки зерни. Кроме того, эти пирамидки напаивались и на полушария. После этого производилась окончательная сборка изделия – к нижней части щитка припаивались гроздь шариков с зернью, а по бокам – полушария.

Последним технологическим действием было заполнение внутренности щитка мастикой для придания изделию жесткости и прочности.

В целом изготовление серег подобного типа представляет достаточно сложный технологический процесс, который, вероятнее всего, выполнялся различными мастерами и предполагал высокую степень разделения труда, что говорит о достаточно сложной социальной организации общества, производящего

подобные изделия, что подтверждает ранее выдвинутую одним из авторов гипотезу [7. С. 113].

Культурно-хронологическая интерпретация калачиковидной серьги из Урлапово особых затруднений не вызывает. Подобные серьги распространены достаточно широко и некоторыми исследователями связываются с сарматами [8. С. 36; 9. С. 267].

Очень похожие (почти тождественные) изделия – «... крупные полые золотые с бронзовой дужкой серьги раннеполихромного стиля в виде лунниц с напаянными группами зерни, с гранатовыми, альмадиновыми, сердоликовыми, янтарными вставками в специальных гнездах; на некоторых снизу припаяны симметрично расположенные шарики с группами зерни» [10. С. 76, 279] – известны из района северной Сырдарьи и встречаются в памятниках джетыясарской культуры. По мнению Л.М. Левиной, изделия подобного типа датируются первыми веками нашей эры [Там же. С. 76]. К сожалению, автором дата не конкретизирована и может трактоваться в достаточно широком хронологическом диапазоне, от рубежа эр до V–VI вв.

Возможно, именно эти регионы распространения джетыясарской и кенкольской археологических культур (юго-западные районы Казахстана, северо-запад Киргизии и юго-восток Узбекистана) являются местом появления серег подобного типа и их последующего распространения на другие регионы.

Наиболее ранними подобными формами, вероятнее всего, являются античные ладьевидные серьги с подвесками, украшенными гроздь шариков, по-видимому, изготовленные в тарентийской мастерской и датируемые 340–320 гг. до н.э. [11. С. 213]. Несмотря на значительные различия, заключающиеся, прежде всего, в наличии штампованных изображений на щитках сережек и отсутствии полихромных вставок, мы наблюдаем схожие объемные формы полых подвески, изготовленной путем спайки двух штампованных половинок, и ее декорирование гроздьями пустотелых шариков, спаянных из двух половинок, а также широкое использование зерни.

В целом изделия полихромного стиля, в том числе и калачиковидные серьги, при изготовлении которых используются сходные технологические приемы, что позволяет привлекать их в качестве аналогий, широко распространены в Средней Азии. Наряду с уже приведенными аналогиями можно назвать находку на территории современной Киргизии, полученную в ходе раскопок могильника Торкен в долине Кетмень-Тюбе, «...золотой овальной формы лунницы, от которой лучами отходят рифленые стерженьки с насаженными на них шариками». Эта находка датируется IV–V вв. [12. С. 221]. Кроме того, аналогии мы находим в Актасте, Боровом, Кетмень-Тюбе [13. С. 284], Кызылкайнар-Тобе и Актобе [14. С. 77].

При построении типологии и анализе эволюционного развития серег первой половины I тыс. н.э. в Приуралье и Казахстане исследователи объединяют калачиковидные (серьги в виде простого литого кольца с утолщением снизу) и сложные серьги с подвеской-лунницей и отдельной дужкой в один эволюционный ряд, полагают, что подобные серьги развивались

от простого к сложному от калачиковидных до серег с подвесками-лунницами с гроздевидными окончаниями, и, соответственно, также выстраивают и хронологию [51; 5. С. 133]. В типологическом ряду между этими крайними позициями выделяют несколько переходных форм.

Данная типология имеет ряд несоответствий. Во-первых, в один ряд включаются изделия, выполненные совершенно разными способами, по разной технологии. Во-вторых, не учитываются имеющиеся достаточно близкие ранние аналогии серьгам-лунницам, как сходные по технологии изготовления, так и морфологически широко распространенные в античном мире, встречающиеся и у скифов в период V–III вв. до н.э. [4. С. 6; 11. С. 213].

По-видимому, следует признать, что серьги-лунницы с полихромными вставками и напаянными гроздьями сфер и полусфер, украшенные зернью, вошли в себя традиции и античных мастеров ювелирного дела. Наличие разных переходных форм серег в памятниках гунно-сарматского времени Приуралья, Зауралья, в том числе и литых, по-видимому, связано с местным производством, и именно эти изделия следует считать наиболее поздними. Возможно, только между подражаниями лунницам с гроздьями шариков и литыми «классическими» калачиковидными серьгами и имелась какая-то эволюционная связь [4. С. 7–8].

По мнению С.Г. Боталова и С.Ю. Гуцалова, «...золотые с зернью и разноцветными вставками» калачиковидные серьги (изготовленные в полихромном стиле) хорошо датируются IV–V вв. [15. С. 144].

Ранние формы «...полых серег калачиковидной формы с проволочной дужкой» из позднесарматских памятников В.Ю. Малышев и Л.Т. Яблонский вслед за М.Г. Мошковой датируют не ранее III в., относя их к 2-й и 3-й хронологическим группам могильника Покровка 10 [16. С. 334–335], которые имеют хронологический диапазон бытования с первой половины – середины III в. до начала IV в. [16. С. 62].

И.П. Засецкая, один из наиболее авторитетных, наряду с А.К. Амброзом, исследователей, занимающихся проблемами разработки типологии и хронологии древностей эпохи великого переселения народов, датирует калачиковидные серьги, изготовленные в полихромном стиле, IV–V вв. и, учитывая стилистические особенности и морфологические признаки, связывает их не с позднесарматскими калачиковидными серьгами, а с «...серьгами гуннской эпохи». Она же выделяет и общие признаки для калачиковидных серег гуннской эпохи – «...наличие орнамента из зерни в виде пирамидок и треугольников» [17. С. 65–66]. Как и другие предметы полихромного стиля, известные в регионе публикуемой случайной находки, калачиковидная серьга из Урлапово относится к первой стилистической группе, выделенной И.П. Засецкой [Там же. С. 68–75], или к подгруппе «В», для которой характерны «...полихромные украшения, декорированные цветными вставками в напаянных гнездах и накладным орнаментом из золотой проволоки и зерни... ободками зерни, треугольниками, ромбиками и пирамидками, выложенными зернью» [Там же. С. 62].

Типология изделий полихромного стиля, разработанная А.К. Амброзом, позволяет нам отнести калачиковидную серьгу из Урлапово к 3-му типу, характеризующемуся «...неумеренным применением зерни... тисненные подражания зерненым вещам» [18. С. 65]. Зону распространения этого типа изделий полихромного стиля А.К. Амброз очерчивает «...с центром где-то в Азии и границами от устьев Дуная до Киргизии и, может быть, Алтая» [Там же. С. 66]. Находка из Урлапово лишней раз подтверждает это предположение ученого.

В обобщающей работе С.А. Перевозчиковой, посвященной анализу именно калачиковидных серег, мы находим почти полную аналогию урлаповской находке [4. С. 9. Рис. 2–10]. Согласно достаточно подробной типологии калачиковидных серег, разработанной автором работы, данная серьга относится к типу 2 – калачик в виде многоугольника, подтипу «д» – привеска в виде грозди из большого количества шариков, вариант 3 – основа украшена вставками, оконтуренными зернью, а также пирамидками зерни [4. С. 5]. С точки зрения технологии считаем, что серьги именно этого типа изготавливались не методом литья, как пишет С.А. Перевозчикова [Там же. С. 6], а методом штамповки из тонко прокатанного золотого листка, о чем уже говорилось выше.

С.А. Перевозчиковой подобные изделия соотносятся с среднеазиатскими калачиковидными серьгами, которые отнесены Л.М. Левиной к периоду I в существования джетыясарской культуры [19. С. 70], достаточно условно датируемому II–IV вв. [Там же. С. 62].

По мнению А.В. Богачева, наиболее ранние изделия этого типа датируются III–IV вв., но достаточно широко они бытуют в конце IV–V вв. [5. С. 103].

Учитывая вышеприведенные аналогии с достаточной долей уверенности можно датировать калачиковидную серьгу из Урлапово IV–V вв. н.э. Принимая во внимание, что изделия, выполненные в полихромном стиле, на территории Алтая бытуют в крайне ограниченном хронологическом диапазоне второй половины IV – первой половины V в., можно ограничить датировку серьги именно этим хронологическим периодом.

Наличие достаточно однотипных и сложных в исполнении ювелирных изделий на широкой территории центральной части евразийских степей, встречающихся в захоронениях кочевников, начиная от Приуралья, Казахстана и до юга Обь-Иртышья, позволяет говорить о существовании единого центра их происхождения, вероятно, локализуемого в Средней Азии, и предполагать наличие достаточно тесных культурных контактов между этими регионами в IV–V вв. н.э.

Возможно, калачиковидная серьга из Урлапово и похожие серьги из Сибирской коллекции Петра I маркируют проникновение в этот период на территорию степного и лесостепного Алтая группы населения с юго-западного направления, что привело к формированию стабильных культурных контактов населения юга Обь-Иртышского междуречья с юго-западными регионами в IV–V вв. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
2. Казаков А.А. О восточной границе распространения изделий полихромного стиля // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 1 (45). С. 83–92.
3. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / Археология СССР. Свод археологических источников. ДЗ-9. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 52 с. + 27 табл.
4. Перевозчикова С.А. Калачиковидные украшения на территории Евразии в первой половине I тыс. н.э. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175): История, вып. 36. С. 7–12.
5. Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег 4–7 вв. в Волго-Камье // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара : СлаВен, 1996. С. 99–114.
6. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец 4 – 5 вв.). СПб., 1994. 224 с.
7. Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 106–114.
8. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М. : Советская Россия, 1957. 73 с.
9. Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 258–268.
10. Левина Л.М. Могильники Алтынасар 4 / Джетыясарская культура. Ч. 3–4 // Низовья Сырдарьи в древности. М. : Изд-во ин-та этнологии и антропологии, 1994. 312 с.
11. Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи 5–4 века до нашей эры. СПб. : Славия, 1995. 272 с.
12. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М. : Искусство, 1982. 288 с.
13. Бородавский А.П. Древнее серебро в Сибири (обзор проблематики) // Древности Алтая : межвуз. сб. науч. тр Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. № 11. С. 44–58.
14. Боталов С.Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. / гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск : ИЦ ЮУрГУ, 2013. С. 31–87.
15. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 269 с. (Сер. Этногенез уральских народов).
16. Малышев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время : по материалам могильника Покровка 10. М. : Вост. лит., 2008. 365 с.
17. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников Южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // Советская археология. 1971, № 1. С. 53–71.
18. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа 5–7 вв. М. : Наука, 1989. 134 с.
19. Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры середины I тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э. // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 61–73.

Alexander A. Kazakov, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kaa-2862@mail.ru
 Yaroslav V. Frolov, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: frolov_jar@mail.ru

NEW POLYCHROME STYLE FIND IN ALTAI TERRITORY

Keywords: polichrome style, ring-shaped torus earring, technology, granulation, insert, chronology.

The purpose of the article is to introduce into scientific use an extremely rare category of archaeological finding - a polichrome style object. It is only the ninth monument with a polichrome style object in the Western Siberia. It is a ring-shaped torus earring made of 18 carat-fine gold which was encrusted with stone or glass insertion and decorated with gold balls and numerous granulation, including pyramids made of grains. The object is a random find from a multi-layered, gradually destroyed by wind erosion monument of Uralpovo located near Uralpovo village in Shipunovskii District of the Altai Region. The find is stored in the funds of the Altai local lore museum. The article gives a detailed description of the ring-shaped torus earring, heart-shaped and hollow, welded of two halves, drawn from a thinly-rolled gold leaf, with seven hollow 5 mm balls at the bottom and two hemispheres on each side. At the ends of the earring are corrugated tubes. A pyramid of four grains is soldered on each ball and hemisphere, three of those are at the basis and one is on top. The diameter of the grains is from 1 to 1.2 mm. The grain is decorated with a red-brown insert, made of transparent solid material, under which a thin sheet of gold foil is laid. The insert is of crescent shape with dimensions 11 mm by 4.5 mm, held in the nest made of a thin gold stripe soldered on the basis. The size of the object at the extreme points: 28 mm high, 25 mm wide, 12 mm thick. With the help of detailed photography, the ancient masters' technological methods used in the manufacture of the earring and a sequential technological chain of manufacture were reconstructed. On the basis of a fairly fractional technological chain, it is suggested that a society producing such objects had a complex social organization. On the basis of analogies a primary cultural-chronological attribution was made, which allowed to date the ring-shaped torus earring the second half of the 4th to the first half of the 5th century and to identify it as an antiquity of the Great Migration Period. A hypothesis was made about the place of origin of the earrings of such type - areas of Central Asia (regions of the Dzhetyasarskaya and Kenkolskaya archaeological cultures (south-western Kazakhstan, north-western Kyrgyzstan and south-eastern Uzbekistan). The fact that it was found in the territory of the forest Altai testifies to the existence of cultural contacts of the people of the southern Ob-Irtysh interfluvium with the south-west regions in the 4th-5th century A.D. The article is illustrated by a detailed picture and photographs showing technological features of the published earring.

REFERENCES

1. Umansky, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi "velikogo pereseleniya narodov" na Charyshe [The burial related to the "Great Migration of Peoples" on the Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 129–163.
2. Kazakov, A.A. (2017) On Eastern border of polichrome style objects spreading. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(45). pp. 83–92. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/13
3. Rudenko, S.I. (1962) *Sibirskaya kolleksiya Petra I* [Peter I's Siberian Collection]. Moscow; Leningrad: AS USSR.
4. Perevozchikova, S.A. (2009) Kalachikovidnye ukrasheniya na territorii Evrazii v pervoy polovine I tys. n. e. [Roll-shaped jewelry in Eurasia in the first half of I millennium AD]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 37(175). pp. 7–12.

5. Bogachev, A.V. (1996) K evolyutsii kalachikovidnykh sereg 4 – 7 vv. v Volgo-Kam'e [Towards the evolution of felted earrings from the 4th to 7th centuries in the Volga-Kama]. In: Stashenkov, D.A. (ed.) *Kul'tura Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny 1 tysyacheletiya n.e.* [The culture of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD]. Samara: SlaVen. pp. 99–114.
6. Zasetskaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskeyu epokhu (konets 4 – 5 vv.)* [Culture of nomads of the South Russian steppes in the Hunnic era (the late 4th – 5th centuries)]. St. Petersburg: Ellipse LTD.
7. Kazakov, A.A. (2016) Polychrome style objects from the burial site on the Eras'ka river. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 106–114. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/15
8. Sorokina, N.P. (1957) *Tuzlinskiy nekropol'* [The Tuzlinsky Necropolis]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
9. Moshkova, M.G. & Kushaev, G.V. (1973) Sarmatskie pamyatniki Zapadnogo Kazakhstana [Sarmatian monuments of Western Kazakhstan]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of Archeology of the Urals and Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 258–268.
10. Levina, L.M. (1994) *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti. Mogil'niki Altynasar 4* [The lower reaches of the Syrdarya in antiquity. Graves of Altynasar 4]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
11. Williams, D. & Ogden, D. (1995) *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi 5 – 4 veka do nashey ery* [Greek gold. Classical jewelry art of the 5th – 4th centuries BC]. Translated from English. St. Petersburg: Slaviya.
12. Pugachenkova, G.A. & Rempel, L.I. (1982) *Ocherki iskusstva Sredney Azii. Drevnost' i srednevekov'e* [Essays on the Central Asian art. Antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Iskusstvo.
13. Borodovsky, A.P. (2003) Drevnee srebro v Sibiri (obzor problematiki) [Ancient silver in Siberia (an outline of problems)]. *Drevnosti Altaya*. 11. pp. 44–58.
14. Botalov, S.G. (2013) O gunnakh evropeyskikh i gunnakh aziatskikh [On the European Huns Asian Huns]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnkiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Hun Forum. Problems of the origin and culture identification of the Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 31–87.
15. Botalov, S.G. & Gutsalov, S.Yu. (2000) *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Rifey.
16. Malyshev, V.Yu. & Yablonsky, L.T. (2008) *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10* [Steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian time: a case study of the Pokrovka burial site 10]. Moscow: Vostochnaya literatura.
17. Zasetskaya, I.P. (1971) O khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti pamyatnikov Yuzhnorusskikh stepey i Kazakhstana gunnskey epokhi (postanovka voprosa) [On the chronology and cultural affiliation of monuments of the South Russian steppes and Kazakhstan of the Hunnic era (on the question)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 53–71.
18. Ambroz, A.K. (1989) *Khronologiya drevnosti Severnogo Kavkaza 5 — 7 vv.* [Chronology of the Antiquity of the North Caucasus, the 5th – 7th centuries]. Moscow: Nauka.
19. Levina, L.M. (1992) Pamyatniki dzhetyasarskoy kul'tury serediny 1 tysyacheletiya do n.e. – serediny 1 tysyacheletiya n.e. [Monuments of the Dzhetyasar culture of the middle of the 1st millennium BC – mid 1 millennium AD]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Asian steppe zone of the USSR in Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka. pp. 61–73.